

Е. М. Велижанина

Екатеринбург

**ПОЛЕ ВИДЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПЕРСПЕКТИВА
САКРАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИТЧЕВОГО ДИСКУРСА НОВОГО ЗАВЕТА
В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сакрально-религиозная интерпретация; сакрально-религиозный перспектив; сакрально-религиозный символ; поле видения.

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются семантические черты сакрально-религиозного символа «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» на этапе поля интерпретационного видения и лингвостилистические способы их выражения в притчевом дискурсе Нового Завета.

E. M. Velizhanina

Ekaterinburg

**SEMANTIC FIELD OF VISION PERSPECTATIVE SPHERE OF SACRAL-RELIGIOUS
INTERPRETATION IN NEW TESTAMENT PARABLE'S DISCOURSE**

KEY WORDS: sacral-religious interpretation; sacral-religious perspectiv; sacral-religious symbol; perspective field of vision.

ABSTRACT. The article is devoted to the consideration of semantic features of the sacral-religious symbol "God, Jesus" at the phase of perspective field of vision in New Testament parable's discourse. Linguistic tendencies of the expression's form of this symbol are analyzed.

В понимании интерпретации мы опираемся на концепцию Н.Д. Маровой [1]. Согласно этой концепции, специфика ментального процесса интерпретации заключается в том, что он идентифицируется посредством определенной системы экспликативных признаков, образующих его парадигму. К числу факторов, вызывающих эти парадигматические признаки, относятся: объект, предмет, цель, содержание, способ действия и форма выражения интерпретации. Под влиянием этих факторов с учетом специфики интерпретационного процесса в тексте образуются семантические сферы, идентифицирующие интерпретацию как особую текстоментальную процедуру. Их предложено именовать соответственно теататив, медиатив, претатив, перспектив, метаксатив и текстатив. В своей совокупности семантические сферы представляют сущностные признаки интерпретации, которые выражают ее своеобразие как ментальной системы, тем самым отличая ее от других ментальных систем (понимания, познания, оценки и т. д.). При этом ввиду вербальной оформленности текста специфические приметы этих сфер носят лингвостилистический характер, вследствие чего их выявление содействует установлению лингвостилистического статуса категории интерпретации [1]. Под сакрально-религиозной интерпретацией мы понимаем такую разновидность лингвостилистической интерпретации текста, которая соотносится прежде всего с духовным восприятием, с манерой сакрального видения интерпретатора, со способом выражения его специфической

картины видения.

В качестве содержательного основания каждой из семантических сфер и соответственно всего процесса сакрально-религиозной интерпретации выступает категория перспективы, которая соотносится с сакрально-религиозной картиной видения, отражающей точку зрения Интерпретатора, а также со специфическими способами ее выражения. В своем становлении сакрально-религиозная интерпретация (так же как и ее семантические сферы) проходит три основных этапа перспективирования: поле сакрально-религиозного видения (тематизация видения, т. е. выявление текстовых феноменов, ставших объектом точки зрения наблюдателя), угол сакрально-религиозного видения (аспектуализация видения, т. е. выделение определенных свойств и признаков рассматриваемых объектов, в результате чего производится спецификация видения, установление своеобразных черт объектов видения) и фокус сакрально-религиозного видения (установление процесса фокализации, призванного обеспечить отчетливость видения путем выделения различных его планов: центр — периферия, дальний — близкий и т. п.), в результате чего происходит акцентуализация текстовой действительности, эксплицирующая уровень духовных и идейных установок Интерпретатора.

Особую значимость приобретает интерпретационный процесс создания метаксативного символа в евангельских текстах, когда требуется концентрация неких верховных символических семантик, которые могут вырастать только из общего массива

притчевого дискурса, несущего в себе сакрально-религиозную перспективу Высшего Интерпретатора — Иисуса Христа. Поэтому наше исследование ориентировано на формирование системы таких метасимволов, которые нами обозначены с учетом специфики исследуемого материала верховными сакрально-символическими семантиками. Именно вокруг них возникают признаки всех семантических сфер, которые определяют ведущую интерпретативную картину видения в евангельской притче и ее статусно-претативную ценность. Тем самым верховная сакрально-символическая семантика, вокруг которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозной интерпретации, носит «в себе» необходимым образом признаки сакрально-религиозного символа, которые определяют ее статусную самоценность.

В нашей статье мы рассмотрим первый этап перспективирования (поле видения) семантической сферы сакрально-религиозного перспектива. Определение сакрально-религиозного поля видения подразумевает выявление в текстах притч комплекса объектов, которые попадают в поле зрения Интерпретатора, и установление того, что становится темой его духовного отражения, в какой взаимосвязи находятся темы этих объектов, как они выражены в тексте и т. п. Полем видения, по сути, является весь притчевый дискурс как совокупность речевых произведений, так как все, что нашло в нем отражение, — результат рефлектирующей деятельности Интерпретатора как наблюдателя. Текст каждой притчи входит в состав глобального тематического поля видения Христа, но имеет свое, по-особому структурированное текстовое пространство, т. е. текстовую картину видения, объекты которой организованы в зависимости от сакрально-интерпретативной перспективы.

Идентификационным фактором, способствующим созданию семантической сферы перспектива, выступает определенное содержание интерпретации, являемое как «картина видения», специфичность которой находится в зависимости от точки зрения, от перспективы интерпретатора. В соответствии с этим положением мы определяем статус сакрально-религиозного перспектива евангельской притчи как семантической сферы, выражающей сакрально-религиозную картину видения, представленную в тексте с точки зрения некой Высшей силы.

На основе анализа эксплицитных текстов сакрально-религиозной интерпретации нами была выявлена верховная сакрально-символическая семантика «Бог, Иисус (Gott, Jesus)», вокруг которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозного перспектива.

Анализ семантической сферы сакрально-религиозного перспектива и его верховной символики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» показал, что данная семантика становится ведущей в следующих притчах: «О двух должниках» («Von den beiden Schuldnern») (Лк 7: 41-43), «О блудном сыне» («Vom verlorenen Sohn») (Лк 15: 11-32), «О лозе виноградной» («Von den wahren Weinstock») (Ин 15:1-13), «О детях на площади» («Von den Kindern auf dem Markt») (Мф 11: 16-19; Лк 7:31-38), «О большом ужине» («Vom großen Gastmahl») (Лк 14: 16-24), «О потерянной овце» («Vom verlorenen Schaf») (Мф 18:12-14; Лк 15:4-7), «О драхме утерянной» («Vom verlorenen Groschen») (Лк 15:8-10) [2;4].

Поле перспективного видения сакрально-символической семантики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» образовано следующими семемами. При этом необходимо отметить, что все они становятся коннотациями высокой ценности.

1. Сема «аллегорическая идентификация с человеком», выраженная текстативом житейского уровня интерпретации «человек» («der Mensch»). См. притчи: «О потерянной овце», «О драхме утерянной», «О большом ужине». Приведем пример из притчи «О большом ужине»: «Es war ein Mensch, der machte ein großes Abendmahl und lud viele dazu ein» («Один человек сделал большой ужин и звал многих и, когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым») (Лк 14:16). Тематизация перспективной символики осуществляется в «сильной позиции» (начальной) текста житейской интерпретации, что способствует коммуникативно-прагматической цели Интерпретатора. Следует отметить, что в притче «О потерянной овце» тематизация верховной семантики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» в русском переводе производится имплицитно, а в немецком переводе — эксплицитно. Сравните: «Wenn ein Mensch hundert Schafe hätte und eins unter ihnen sich verirrt» («Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась») (Мф 18:12); «Welcher Mensch ist unter euch, der hundert Schafe hat und, wenn er eins von ihnen verliert, nicht die neunundneunzig in der Wüste läßt und geht dem verlorenen nach, bis er's findet?» («Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдете ее?») (Лк 15:4). Это позволяет говорить о тенденции к развитию разной степени имплицитности и интенсивности проявления верховной символики перспективной сферы в русском и немецком переводах.

Кроме того, тематизация верховной семантики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» реализу-

ется в притчевом дискурсе Нового Завета на уровне житейской интерпретации:

– существительными, обозначающими качества людей по трудовой деятельности: «виноградарь» («der Weingärtner») в притче «О лозе виноградной»: «und mein Vater der Weingärtner» («а Мой Отец – виноградарь») (Ин 15:1).

– существительными, обозначающими людей с точки зрения родственных отношений: «Сын» («der Sohn»), «Отец, отче» («der Vater»), «Сын человеческий» («der Menschensohn»); см.: притчи «О детях на площади» («Von den Kindern auf dem Markt») (Мф 11:16-19; Лк 7:31-35), «О блудном сыне» («Vom verlorenen Sohn») (Лк 15:11-32), «О лозе виноградной» («Von den wahren Weinstock») (Ин 15:1-13). Приведем пример из притчи «О лозе виноградной»: «Ich bin der wahre Weinstock, und mein Vater der Weingärtner» («Я есмь истинная виноградная лоза, а Мой Отец – виноградарь») (Ин 15:1). Данный пример в русском переводе демонстрирует благоговейное отношение к Богу-Отцу, выраженное посредством графического оформления притяжательного местоимения с заглавной буквы «Мой». В немецком переводе подобный стилистический эффект отсутствует.

Приведем пример из притчи «О блудном сыне»: «Vater, ich habe gesündigt gegen den Himmel und vor dir» («отче! я согрешил против неба и пред тобою») (Лк 15:18). Обратим внимание на демонстрацию различных стилистических оттенков в немецко и русскоязычных переводах. Слово «Vater» («отче») совпадает по денотативному значению в обоих переводах, но отличается по стилю. В немецком переводе стилистический компонент возвышенности утрачивается за счет использования нейтрального слова, в русском переводе, наоборот, за счет употребления грамматического архаизма экспрессивно-эмоциональной окраски («отче») происходит усиление претативности верховной семантики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)»;

– существительными, обозначающими людей по общности деятельности, интересов: «заимодавец» («der Gläubige») в притче

«О двух должниках»: «Ein Gläubiger hatte zwei Schuldner» («у одного заимодавца было два должника») (Лк 7:41).

2. Сема «аллегорическая идентификация с растением» представлена текстативом житейского уровня интерпретации «der Weinstock» («виноградная лоза») в притче «О лозе виноградной»: «Ich bin der Weinstock, ihr seid die Reben. Wer in mir bleibt und ich in ihm, der bringt viel Frucht» («Я есть лоза, а вы ветви: кто пребывает во Мне, Я в нем, тот приносит много плода») (Ин 15:5). Тематизация данной семы производится посредством метафоризации в обоих переводах, что указывает на общие черты выражения верховной символики перспективной сферы.

Следует особо отметить, что интерпретативные текстативы житейского уровня передают в немецком и русском переводах как одинаковые стилистические оттенки, так и разные. Например, обращает на себя внимание тот факт, что слово «заимодавец» в русском переводе относится к архаизмам [3], а слово «Glaübige» в том же контексте в немецком переводе относится к нейтральной лексике [5]. В остальных случаях наблюдается сходство текстативов в проявлении стилистических особенностей в обоих переводах (нейтральная лексика: «Отец» («der Vater»), «сын» («der Sohn»), «виноградная лоза» («der Weinstock»), «виноградарь» («der Weingärtner») [3; 5].

Обобщая сказанное о лингвостилистических средствах выражения сакрально-символической семантики «Бог, Иисус (Gott, Jesus)» на этапе поля перспективного видения, можно отметить, что данная семантика текстативизируется в немецко и русскоязычных переводах посредством лингвостилистических способов персонификации (уподобляется живым существам) и метафоризации, обнаруживая тем самым общие черты выражения на фоне некоторых отличий (разная степень имплицитности и интенсивности проявления верховной символики в русском и немецком переводах, разное стилистическое и графическое оформление).

ЛИТЕРАТУРА

1. МАРОВА Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография : в 2 ч. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. Ч. 1.
2. НОВЫЙ завет. Псалтырь. Притчи. М. : Рос. Библейское о-во, 2005.
3. СРЯ = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1985–1988.
4. DIE LUTHER-BIBEL von 1984. URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/> (дата обращения: 12.01.2010).
5. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 6 Bd. / hrsg. von Gerhard Wahrig [u. a.]. Wiesbaden [u. a.] : Brockhaus, 1980–1984.